

«О нем много писали, но правды зачастую не было...»

В Доме-музее Сергея Параджанова

В одном из живописных уголков Еревана, прямо над ущельем реки Раздан, недалеко от церкви Сурб-Саркис (Саркис — в переводе на русский — Сергей), в стилизованном под старину двухэтажном каменном особняке, расположен дом-музей Сергея Параджанова. Количество посетителей — красноречивое свидетельство того, что память о нем жива и интерес к его творчеству и личности неиссякаем. Основные посетители — туристы из разных стран мира. Рассматривают экспонаты, смотрят фильмы режиссера и ленты, снятые о нем... И все это любезно предоставляет им директор музея **Завен Саркисян**, который был и остается одним из многочисленных почитателей Параджанова.

Он рассказал нам, как был создан музей Параджанова.

— Когда я был директором дома народного творчества, мы сблизились: Сергей очень любил серебро, ковры, старину... В Тбилиси, на Майдане, Сергею дали тогда двухэтажный дом. Показывая его мне, он сказал: «Они дали мне этот дом, чтобы все осталось в Грузии. Найдите способ перевезти в Армению...» Я ответил, что лучший способ — сделать выставку. Он отказался.

— Но он все-таки сделал у вас свою выставку, я была на ней, он даже попросил меня продемонстрировать свои шляпы, что я и сделала. Кстати, вы же делали снимки.

— Да, но это было позже. А до этого не так-то все было просто... В 1987 г. я готовил экспозицию одной кружевницы и очень хотел, чтоб оформил ее Сергей. Я привез старинную мебель, поставил кровать с кружевным покрывалом, повсюду разбросал экспонаты, наряды, кружева... Не без задней мысли, разумеется. Он увидел все это и загорелся, сам предложил: «Хочешь, я оформлю эту выставку?» Так он привлек к Дому народного творчества, и следующей, в 1988 г., была уже его персональная выставка... Выставку посмотрело рекордное число посетителей, такого еще не бывало. Тогда и зашла речь о том, чтобы создать дом-музей Параджанова.

Завен Саркисян сам позвонил К. Демирчяну, тогдашнему первому секретарю ЦК КП Армении, и сказал, что вот, мол, уже три месяца идет выставка и т.д. Вопрос решился за один день. Разрешились фактически сразу две проблемы: жилья Параджанова и музея при жизни. Удивительно! Ведь не так-то просто было построить такой добротный дом с оригинальной архитектурой в Армении, учитывая сложнейшую экономическую и политическую ситуацию тех лет...

— Этот дом первоначально был задуман как дом для народных мастеров. Но идея эта мне всегда казалась утопией, так что решили его передать Параджанову.

— Как же Сергей среагировал на это, ведь судьба не очень баловала его?

— Он очень радовался. Однако после землетрясения строительство сразу же остановили. Все проекты нужно было менять, переводить на девятибалльную сейсмическую систему. Но дом был двухэтажный, и мне удалось добиться продолжения строительства.

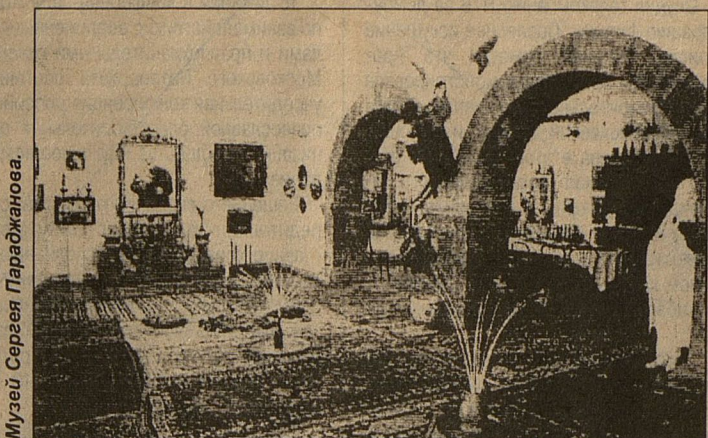
— Сам Параджанов участвовал в строительных работах?

— Тогда его болезнь уже была в разгаре, он лежал в больнице, часто терял память... Но иногда приходил, смотрел, как работают, что-то чертил... После Венеции он хотел сделать нечто в венецианском стиле... Я понял его логику, понял, как бы он сам построил, и старался придерживаться этого... Несмотря на свою болезнь, Сергей был очень активен: ходил, смотрел, менял... Он должен был жить в этом доме... Он горел... Был горд... Он жил этим... Все будет открыто миру, для всех...

У Параджанова огромное количество альбомов, писем, фотографий, открыток, коллажей, кукол, костюмов, шляп... О нем много писали, но правды зачастую не было. Теперь, если кто-то захочет написать монографию о Параджанове, он здесь, в доме-музее, найдет полную о нем информацию. Здесь собираются всевозможные материалы: рассказы, воспоминания разных людей — от Феллини и Пазолини до школьных друзей...

— У вас есть новые документы об аресте Параджанова?

— В декабре 1972 г. он поехал в Киев к больному сыну. Ходил в больницу, носил ему лекарства, еду... Но однажды он не пришел. И никто его не видел. Видимо, Сергея арестовали дома. Соседка

Музей Сергея Параджанова.

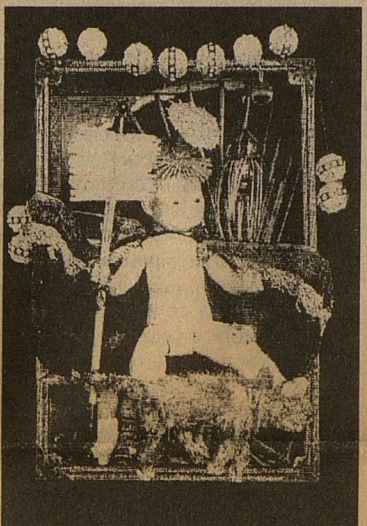
Параджанова, журналистка, заметила какие-то тени в его окне, позвонила в дверь, ее втащили в квартиру — там были чекисты... Предупредили, чтоб она никому ничего не рассказывала. Вокруг были разбросаны пустые бутылки: они выпили все спиртное в доме...

За несколько дней до ареста мы были у Параджанова в гостинице в Ереване. Тогда он готовился к съемкам фильма по мотивам сказок Андерсена «Чудо в Оденсе» по заказу ЮНЕСКО. Сергей дал мне сценарий, хотел, чтоб я у него играла все женские роли... Но о поездке в Киев не было и речи: съемки должны были начаться буквально через несколько дней. Остался бы в Ереване, ничего этого, может, и не произошло...

— Что же заставило Параджанова так неожиданно уехать из Еревана в Киев?

— У сына после операции начался перитонит. Это было опасно, он не мог не поехать... За ним охотились давно. Все боялись, что его укут в психбольницу. «На крыше церкви косят, разве это возможно?» — возмущались они по поводу сцены из его фильма «Саят-Нова». Они

его подозрение, или даже уверенность, в причине ареста. Речь Параджанова была записана сотрудниками КГБ. Действительно ли эта речь представляла какую-то опасность для государства, или, как сказал один журналист: «Он был вечным нарушителем уголовного закона»? За право свободно вы-

Детство Чингиз-хана. 1983.

сказываться он заплатил слишком дорого! Ему нравилось эпатировать... Он был по натуре игрок. Иначе не мог. Он весь был в этом. Как режиссер, Параджанов был немногословен, у него был свой особый киноязык, гораздо красноречивее слов, а вот в жизни не мог удержаться, его просто захлестывало, он не мог остановиться, каламбурил, говорил чуть ли не афоризмами... Он не просто говорил. Это тоже было творчество.

Из речи С.Параджанова в Минске

Полная девальвация киноискусства... Удивительной застой, нет ярких художников. Великомученик Тарковский не может нас ежегодно поражать своим талантом, своей глубиной, а все остальное мне кажется просто никаким. И да простит меня наше руководство, я ехал сюда в вагоне... и член ЦК, как он представился, очень долго мне объяснял, почему это происходит. Я считаю, происходит это потому, что художникам, наиболее интересным художникам, оказано недоверие. Недоверие — удивительная обида, с недоверием связана целая судьба и невероятно короткая жизнь художника. (...)

Я считаю, что если есть художник, который может синтезировать удивительное, прекрасное, то его немедленно надо эксплуатировать, это должен быть приказ ЦК, понимаете, выкачать из него и делать фильмы. (...)

Что такое литература для меня сегодня? Неужели вы думаете, я нажимаю кнопки и будет взлетать Демон в шифоновом, простроченном на «Зингере» поле или газе? Это ведь смешно сегодня иллюстрировать так, как иллюстрируют классиков русских русских режиссеры. Это ведь смешно сегодня! Это дойдет до патологии, вы понимаете? Ведь посмотрите, всю русскую литературу экранизировали. Что осталось? Что осталось в русской литературе? Назовите одно весомое произведение, которое не иллюстрировалось! Ведь все провалилось! (...)

Вероятно, нет, художники не несут

Сергей Параджанов.

в себе креста поэтического, не несут мира своего, они пусты, декоративны и сыты. В особенности московские художники. Они сыты. Понимаете, потому у них все время провал за провалом... Это ведь очень сложная проблема. Я лично предчувствую удивительный кризис в советском кинематографе. (...)

Я иногда говорю, что я делаю фильмы для своих друзей, они не требуют никакого объяснения... Они понимают, что в соборах Грузии, Армении, в византийских соборах были голосники, такие вот кувшины, чурки, которые были в углах установлены как резонаторы. Понимаете? Если министр культуры не понимает это... Или когда я делаю «Киевские фрески», там обнаженная натура в мастерской у художника, он мне говорит: «Ну как вы — вот такой тонкий, такой художник — могли взять такую уродливую женщину с низким тазом, такой грудью?» Я говорю: «Слушайте, Святослав Павлович, ведь это же Майоль!» — «Меня не интересует ее фамилия!» — сказал министр. Понимаете, ведь он даже не знает, что есть формы определенной скульптуры, определенной пластики. Мне показало, что я говорю с ним на разных языках. (...)

Козинцев просил меня не смотреть «Короля Лира». Есть письмо, дословно он пишет, что ему стыдно после «Саят-Новы», и он сожалеет, что не пригласил меня делать костюмы. Не потому, что я там сделал бы ему ренессансные костюмы, по крайней мере, надо было найти совсем другое решение. А он, что он сделал в «Короле Лире»? Он просто прочел произведение, без своего вмешательства. (...) Понимаете, ведь Козинцев в чем ошибается? Он не понимает, что шекспировские произведения — это не роника шекспировского времени, а тоже вымысел художника и большого поэта и драматурга. Это вообще процесс, философский процесс. Самое страшное, что он делает хронику шекспировского времени. А вот сделать синтетический образ Ренессанса... Я ему предложил, дайте мне все ваши картины, все ваши фильмы, и я вам сделаю совсем третий фильм из вашего же материала, и пущу негатив, и покажу вам, что такое Шекспир. Чисто эмоционально. Ну, как этюд, как эскиз, как музыка. Возможно ведь сделать вот такой коллаж из некоторых фильмов, показать страсти, потому что там, понимаете, нет страстей. Нет страстей, есть пижоны, понимаете... Может быть, я излишне гневаюсь, но дело в том, что у меня другого убеждения нет. (...)

Я понимаю, что я очень рискованно выступаю. Но меня разозлил вчера этот член ЦК, который мне грозился, что вы еще шесть лет не будете работать. Ну, не буду работать я, так найдется другой талантливый человек, все равно он естественно возникнет где-то. Просто обидно, когда я не могу делать картины, мне давали, а вот когда я умею, мне не дают... Я считаю,

что это происходит травма, большая травма. Я считаю, что если в сорок лет тебе не доверяют как художнику, то и на том свете не будут доверять.

— А что это за фотография?

— Это очень редкая фотография. Первая жена Сергея. Он никому никогда о ней не рассказывал. Он тяжело переживал ее смерть. Это была красавица-татарка. Работала в ЦУМе. Он ходил издалека любоваться. Уговорил ее выйти за него замуж. Однако родители Нигяяр, так ее звали, запретили, так как она была помолвлена с татаринцом. Тогда они тайно расписались. Жили в общежитии ВГИКа. Родные девушки выследили ее и столкнули под поезд. Они даже разрушили ее могилу.

Сергею и Нигяяр было тогда по 22 года. После этого лет десять Параджанов не мог опомниться, он был потрясен. Все это потом отразилось в «Ашик Керибе». Сергей вообще был очень впечатлительным... Когда его повезли в Спитак после землетрясения, он очень тяжело пережил это: «Зачем меня привезли сюда? Достаточно было показать фото одного разрушенного дома». Помню, он однажды сказал: «Неужели чтоб показать трагедию, нужно проливать море крови? Достаточно показать каплю крови».

— Мало кто знает, как ему было тяжело жить в Киеве. Без работы, без денег... В Светлану он влюбился, когда ему было 32 года, ей — 17. У них родился сын Сурен.

Сегодня в Киеве открыт памятник Параджанову.

Из интервью С.Параджанова последних лет

Я пережил тяжелые времена. В общей сложности меня приговорили к 15 годам заключения. Даже турецкий поэт Назым Хикмет не оставался в тюрьме так долго. Они украли у меня 15 лет моей творческой жизни. Обвинения, которые они мне предъявляли, были странными и ложными. Пришло время, когда можно восстановить истину, поставить вещи на свои места, но потерянное время вернуть невозможно. У меня есть энергия делать фильмы и сегодня.

Мне 63 года, и я мало снимал. В моих шкафах 23 нереализованных сценария. Мне трудно. Но это ничто. Мы унесем с собой в нашу смерть частицу самих себя, и это трансформируется в тайну (...).

Я спрашиваю, кто ответствен за эти 15 лет полной стагнации, без денег, без средств к существованию... Я — единственный советский режиссер, которого трижды сажали в тюрьму при разных руководителях. При Сталине, при Брежневе и при Андропове, и, может быть, в один прекрасный день посадят опять, опять не знаю почему. Кто может принести мне свои извинения? Кто может компенсировать эти потерянные годы и восстановить во всех моих правах?

Я сплю под раскрытым зонтиком, так как у меня дырявая крыша и вода протекает, я хрюкаюсь мокрым... Как в одном из фильмов Тарковского: я живу в трясине, в болоте — это вызывает зависть некоторых моих коллег...

Но, во всяком случае, я на свободе...

Я живу по инерции. Моя коммунистическая партия — как амеба в развитии. Одни меня сажают в тюрьму, другие прощают. Кем я стал сегодня? Я экспериментальный символ перестройки. Меня водят повсюду как попугая, как знаменитого клоуна Олега Попова. Я в чести при дворе. У меня на груди кресты... Думают, что они золотые, но я вышел из тюрьмы без копейки. Я разрушен, и прежде всего — как творец. Я обворован, и прежде всего — в моем творчестве.

Сергей Параджанов занимался срыванием масок. Дерзко, метко и язвительно. От его взгляда ничто нельзя было утаить. Он видел все, насквозь, и говорил, что думал. Только шутам королей такое прощается! Но Параджанов не был ничьим шутком. И его не простили. В этом была его трагедия. Трагедия свободного, гениального человека-творца. А теперь ставят памятники! К чему? В оправдание своим злодеяниям? Уж лучше бы при жизни!

АНАИТ ТОПЧЯН

Ереван-Париж

председатель совета

25-31.12.97